

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1153-1166. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1153
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Casual Clandestine. Female Sex Workers in Towns of Orenburg Governorate in the Second half of the XIX century

Elena V. Burlutskaya (Bannikova)^{a, *}, Yuliya O. Kurenkova^a

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The purpose of the study in this article is to analyze the data related to prostitution in the cities of the Orenburg Governorate in the post-reform period. As a result of the reforms in the 1860s and 1870s, modernization and urbanization accelerated, setting a huge mass of the population in motion, tearing them away from their familiar social environment, their families and relatives. In these circumstances, cities became centers of attraction not only for men looking for a better life, but also for women providing sexual services. In the second half of the 19th century, prostitution gradually evolved from a crime against public morals into a state-regulated trade with its own working conditions, labor relations, working hours, professional rules and competencies. This article, based on the data of official statistics and various narrative sources, provide a study of townswomen of Orenburg Governorate working in the field of sexual services, analyze their quantity, age, national and class composition, marital status, their age when they became involved in prostitution and for how long they were sex workers, as well as distinguishing features of this field of informal employment of women in the remote southeastern province of the Russian Empire. Data on prostitution within the studied region, the neighboring Samara and remote Smolensk Governorates shows that there are certain differences that are connected with the transformation of the Orenburg province into a region of mass migration.

Keywords: everyday life, Orenburg Governorate, post-reform period, townswoman, occupation, prostitution.

1. Введение

В последнее время проблема проституции в Российской империи в конце XIX века неоднократно становилась предметом научного исследования. Современные авторы опирались на многочисленные работы врачей, журналистов, экономистов, социологов, писателей второй половины XIX – начала XX вв. по данной теме, предвзято свои монографии фундаментальными историографическими обзорами (Голосенко, Голод, 1998). Однако это асоциальное явление преимущественно рассматривалось с позиций государственного контроля, регламентации и противодействия его распространению (Нижник, 2002; Зюбан, 2008; Тарасова, 2016). Н.К. Мартыненко в своих работах исследовала проституцию как социально-девиантный институт, опираясь как на данные официальной статистики, так и на публицистику начала XX в. (Мартыненко, 2015). В.Б. Безгин в своих исследованиях касался этой проблемы применительно к сельскому населению (Безгин, 2012). Хотя в историографии имеются и иные подходы к проституции, например, ее изучение в качестве специфической структурной единицы социально-сервисной сферы городов Забайкалья начала XX в. (Паликова, 2009). В 2014 году в Казани вышла книга С.Ю. Малышевой (Малышева, 2014). В ней автор на примере Казани с опорой на архивные источники исследовала

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya (Bannikova)),
kpicka@yandex.ru (Yu.O. Kurenkova)

проблемы влияния проституции на становление и изменение городской повседневной и досуговой культуры второй половины XIX – начала XX вв., пыталась определить, какое место проституция занимала в культуре повседневности города и как сопрягалась с социальной реальностью городского общества в целом. Часть монографии была опубликована ранее в виде статьи (Мальшева, 2012).

Изучение же проституции в качестве сферы профессиональной занятости городских жительниц еще не предпринималось ни в территориальных рамках империи, ни в отдельных ее регионах. Хотя в одной из статей, посвященных этому явлению в современном обществе, можно встретить понимание проституции как «особого типа неформальной, но институционализированной занятости» (Крупец, Нартова, 2010: 537).

Задачей исследования, проведенного в рамках данной статьи, является анализ данных о женщинах, занятых в сфере сексуальной коммерции в городах Оренбургской губернии. Сфера занятости понимается как обширная область трудовой деятельности, приносящая доход, в которой взаимодействуют организаторы этой деятельности и работники, удовлетворяя личные и общественные потребности.

2. Материалы и методы

Информация по рассматриваемой проблеме содержится в источниках различного плана. В середине XIX века в России занятие проституцией было легализовано как в форме деятельности различных «домов терпимости» и «домов свиданий», так и в форме индивидуальной деятельности. В ряде крупных городов Российской империи были созданы врачебно-полицейские комитеты для надзора за состоянием здоровья публичных женщин. В 1889 году Центральный статистический комитет МВД организовал перепись легальных проститутток в рамках всей России. Собранные информация вскоре была издана (Проституция по обследованию, 1890). Другим статистическим источником являются результаты Первой всеобщей переписи населения по различным губерниям (ПВПН РИ, 1904; ПВПН РИ, 1905а, ПВПН РИ, 1905б), в которых проституция рассматривалась как одна из сфер занятости женского населения.

Интересные данные содержатся в сообщениях современников (Дедлов, 1894а; Дедлов, 1894б; Лобысевич, 1878; Чернов, 2007), имеющих возможность оставить оценочные суждения относительно этой сферы женской занятости.

Архивные документы представлены бракоразводными делами из фонда Оренбургской духовной консистории (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5), повествующими о судьбах женщин, обвиняемых в нарушении святости брака. Фонд Оренбургского губернского правления (ГАОО. Ф. 11. Оп. 1) и фонд Оренбургской городской управы (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1) содержат материалы об осуществлении контроля сферы коммерческих интимных услуг усилиями органов власти.

Комплексное изучение источников, сбор научных фактов, составление общей картины жизни падших женщин в городах Оренбургской губернии были осуществлены на основе агрегативного метода в сочетании с методом казуальным, предполагающим детальное рассмотрение отдельных явлений, относящихся к сфере повседневности. Был задействован статистический метод, позволяющий дать количественный анализ различных показателей жизни жриц любви. Проведение анализа совокупности выявленных исторических фактов, выяснение причин тенденций и явлений, наблюдающихся в сфере тайного повседневного, потребовало обращения к принципу исторического объективизма.

Научная обработка названных документов в рамках статьи была осуществлена на основе процессуальной концепции повседневности, разработанной в начале 2010-х гг. (Банникова, 2014). Согласно этому взгляду, повседневность представляет собой процесс непрерывного взаимодействия субъекта с окружающей его реальностью и его рефлексии по поводу данного взаимодействия, протекающего в сферах семейной, трудовой и досуговой обыденности. В таком разрезе проституцию можно рассматривать как один из вариантов трудовой повседневности.

3. Обсуждение

Проблематика статьи находится в рамках так называемой истории женской повседневности, которая оформилась в самостоятельное направление первоначально в западной историографии в середине XX в. В российской исторической парадигме история повседневности стала предметом специального анализа лишь на рубеже XX–XXI вв., однако она по-прежнему остается не вполне институционализированной областью исследований. Проституция же, как тема, долгое время входившая в разряд табуированных даже для научных исследований, в течение продолжительного времени вообще не являлась предметом специальных исследований.

К глубокому изучению и научному обсуждению заявленной проблемы российские историки обратились лишь в постсоветский период, когда с исторической науки были сняты идеологические ограничения. Был издан ряд монографий, в которых авторы анализировали проституцию конца XIX – начала XX вв. как весьма распространенное социальное явление. Был даже предложен некий социальный портрет жрицы любви. Так, например, «петербургская “билетная” проститутка на рубеже XIX–XX вв. – это женщина в возрасте 25 лет, провинциалка, проработавшая “жрицей любви” около

6–7 лет, как правило, один–два раза перенесшая венерическое заболевание и получающая за свои разовые услуги в среднем от 30 коп. до 1 руб. 50 коп., в целом существо сентиментальное и истерическое, часто хроническая алкоголичка» (Лебина, Шкаровский, 1994).

Многие авторы отмечают, что кроме зарегистрированной проституции в России на рубеже XIX–XX вв. существовала скрытая проституция, не подлежащая регистрации и надзору. Как отмечает, к примеру, П.А. Сунгуров, основной «контингент лиц, занимавшихся данным занятием, составляли женская прислуга в гостиницах, трактирах, пивных и меблированных комнатах, женская прислуга в банях, женские оркестры, хоры и отдельные певицы ресторанов и клубов» (Сунгуров, 2015: 110). Значит, число женщин, занимающихся этой деятельностью, значительно превышало официальные данные. Тем не менее, как отмечалось еще в начале XX века, ошибочно было бы думать, что «большинство жертв заманивается в дом терпимости обманом, под предлогом найма на службу в горничные, компаньонки, конторщицы и т.д. Неправда. Большинство туда идет, хотя с отчаянья, но вполне сознательно, понимая, куда и зачем они идут» (Бентовин, 1907: 21).

Основными объективными причинами, толкавшими женщин на торговлю собой, авторы традиционно называли усиление пролетаризации населения, невозможность для женщины заработать на жизнь честным трудом, наличие социальных институтов, обуславливающих безбрачие значительной части мужчин молодого возраста (например, армия), скученность населения в больших городах, интенсификацию внутренней и внешней сети коммуникаций (Голосенко, Голод, 1998: 34).

Однако исследователи также отмечали, что для некоторых женщин «публичный дом и “желтый билет” означал хоть какое-то подобие свободы, права самостоятельно выбирать жизнь и судьбу» (Мальшева, 2012: 73). Переезд из деревни в город, смена тяжелого сельского труда на «легкую» работу проститутки с невиданной ранее оплатой, соблазны в виде украшений и одежды также могли способствовать вступлению женщины на путь разгульной жизни (Голосенко, Голод, 1998: 37). Высокий процент незамужних женщин-проституток свидетельствовал о том, что «неустроенность семейной жизни была еще одним фактором, толкающим женщин на подобное занятие» (Рамазанова, 2011: 44).

О том, что проституция рассматривалась женщинами именно как работа, как средство заработка пишет В.Б. Безгин: «Создание разветвленной сети железных дорог, соединившей многие крупные города империи, поддерживало постоянный приток в город сельских женщин в поисках работы. Большая часть молодого женского населения из разоренной деревни не могла найти сносную работу или устраивалась без достаточного денежного довольствия, что автоматически толкало на рынок сексуальных услуг» (Безгин, 2012: 152). В итоге именно нужда в деньгах, самостоятельном источнике дохода являлась преобладающей для женщин мотивацией в данной сфере.

Таким образом, анализ коммерческих интим-услуг в городах Оренбургской губернии во второй половине XIX века как сферы занятости горожанок является вполне научно обоснованным и корректным.

4. Результаты

Согласно данным, собранным Центральным статистическим комитетом, в Оренбургской губернии в 1889 году имелось 16 домов «терпимости и свиданий», при которых состояло 62 жрицы любви. Из них 33 (53,2 %) женщины были местными, а 29 (46,8 %) происходили из других губерний. Число зарегистрированных проституток-одиночек достигало 120, среди которых соотношение местных жительниц и женщин иногубернского происхождения было равным – 60 на 60 (Проституция по обследованию, 1890: 2).

Для сравнения, в соседней Самарской губернии домов терпимости и свиданий насчитывалось 22. В них работало 117 женщин, что на 55 человек превосходило показатели Оренбургской губернии. Среди этих жриц любви 46 (39,3 %) были местными, 70 (59,8 %) прибыли из других губерний и 1 (0,9 %) была иностранкой. Зато «одиночек» в Самарской губернии было гораздо меньше, всего 52: 28 местных (53,8 %) и 24 иногубернских (46,2 %). В Смоленской губернии, относящейся к Центральной России, насчитывалось 9 публичных домов с 66 содержанками (20 местных и 46 иногубернских – 30,3 % и 69,7 % соответственно) и 46 женщин, работающих индивидуально (35 местных, 11 иногубернских – 76,1 % и 23,9 % соответственно) (Проституция по обследованию, 1890: 2).

По данным А. Дубровского, в среднем по России в публичных домах в своей губернии работали 38,5 % женщин, из других губерний приезжали 56,9 %, еще 4,6 % были иностранками. Получается, что, чем дальше губерния располагалась от центральных российских регионов с давно сложившимся социумом, тем больше при домах терпимости состояло местных уроженок. В ситуации, когда значительная часть населения региона была пришлой, а в масштабах города, где в основном и сосредотачивались дома терпимости, жители не слишком хорошо знали друг друга, работать в публичном доме было не так позорно. В отношении одиночек наблюдалась обратная ситуация. В родной губернии в среднем по стране промысел осуществляли 60,2 % женщин, из других губерний приезжали работать 37,9 % женщин, 1,9 % прибывали из других стран (Проституция по обследованию, 1890: XVIII). В давно освоенных регионах с устойчивым городским сообществом торговать собой «в индивидуальном порядке» удобнее было именно местным жительницам,

имевшим здесь свой угол, знакомых покровителей, нужные связи с полицией, врачебной частью и т.д. Но чем дальше губерния располагалась, тем больше среди публичных женщин оказывалось женщин из других регионов. Они прибывали в отдаленные окраинные губернии с родителями или мужьями, но в силу тяжелых жизненных обстоятельств оказывались без средств к существованию и в итоге вынуждены были торговать собой.

Число женщин, работавших при домах терпимости Оренбургской губернии, составляло от 1 до 7. Заведения подобного типа в Оренбургской губернии, по сравнению с аналогичными в других регионах, в основном были, если так можно выразиться, «малыми предприятиями». В 11 заведениях из 16 (68,8 %) трудилось от 1 до 4 женщин ([Проституция по обследованию, 1890: 8](#)). В Самарской губернии небольшими по численности работниц были 10 из 22 публичных домов (45,5 %), в Смоленской губернии – всего один из 9 (11,1 %). Зато максимальное число продажных женщин, состоящих при домах терпимости, и в Самарской, и в Смоленской губерниях было выше – 12 и 11 соответственно ([Проституция по обследованию, 1890: 8](#)).

Основная масса борделей в Оренбургской губернии имела срок службы 1–2 года (6 из 16, т.е. 37,5 %), 4 заведения существовали на протяжении 3–5 лет (25 %), 2 заведения существовали около 10 лет и 4 – около 15. В Самарской губернии 4 заведения из 22 существовали 1–2 года, 3 заведения – 4–5 лет, 7 – до 10 лет, 3 – до 15 лет и 3 – до 20 лет. В Смоленской губернии также большая часть (4 из 9) домов терпимости существовали 1–3 года, но имелись и бордели-долгожители. Один из них насчитывал почти полувековую историю ([Проституция по обследованию, 1890: 10](#)), то есть для Оренбургской губернии публичные дома были явлением относительно новым. Хотя, по данным Дубровского, и по империи в целом более половины всех публичных домов работали до 5 лет ([Проституция по обследованию, 1890: XVIII](#)).

В 1897 г. в Городскую думу Оренбурга были поданы предложения об ограничении рекламы домов терпимости любыми способами, а также о том, чтоб их работницы как можно тише и скромнее вели себя, не противопоставляя себя всем прочим приличным людям ([ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 360](#)). По запросам Церкви городские и губернские власти пытались переносить дома терпимости и квартиры с падшими женщинами из центральной части города на окраины, подальше от церквей ([ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 31. Л. 61 об.](#)). Однако это обстоятельство негативно влияло как на клиентуру этих заведений, так и на доходность указанных заведений (постоянными посетителями становились преимущественно маргиналы и откровенно криминальные элементы, требующие оказания бесплатных услуг).

Содержательницами борделей в Оренбургской губернии преимущественно были женщины православного вероисповедания (14 из 16), а также одна женщина иудейского и одна магометанского вероисповедания. При этом если иудейки во главе домов терпимости по империи встречались довольно часто, то мусульманки, выбравшие такой род занятий, помимо Оренбургской губернии, встречались только в Казанской и Нижегородской губерниях ([Проституция по обследованию, 1890: 12](#)).

Женщины, работавшие в этих домах, преимущественно принадлежали к православной конфессии (54 из 62), были русскими по этнической принадлежности. Еще восемь были мусульманками (из 39 в целом по России), татарками ([Проституция по обследованию, 1890: 20, 24](#)). Среди «одинок» также преобладали женщины русские православного вероисповедания (102 из 120). Было также 17 татарок и даже одна киргизка ([Проституция по обследованию, 1890: 28-29](#)). По словам Ф.И. Лобысевича, в Оренбурге имелось «очень большое количество татарок в списках наших кокоток» ([Лобысевич, 1878: 23](#)). Особенность Оренбургской губернии заключалась в том, что здесь среди проституток практически не встречались представительницы этносов, населяющих Европу, – немки, как, например, в Самарской губернии или полячки и еврейки, как в Смоленской губернии.

Возраст содержательниц домов свиданий был различным. Пять из них входили в возрастную группу от 30 до 35 лет, по три – в группы от 35 до 40 и от 40 до 45 лет, одна была в возрасте 45–50 лет, две – в группе от 50 до 55 лет и еще две – в еще более возрастной группе ([Проституция по обследованию, 1890: 15](#)). К концу века в рамках кампании по борьбе с венерическими заболеваниями в местных правилах, разработанных специальной комиссией, возраст содержательниц борделей был строго ограничен 30–55 годами ([ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 358](#)). При этом возраст женщин, занимавшихся продажей своего тела, в основном приходился на 20–25 лет (27 из 62 девушек при домах терпимости и 37 из 120 одиночек), восемнадцать девушек в домах терпимости и 52 одиночки были младше этого возраста (от 16 до 20 лет), а 17 – в домах терпимости и 31 одиночка – старше. Причем максимальный возраст у одиночек был приблизительно на 10 лет больше и достигал возрастной группы 40–45 лет ([Проституция по обследованию, 1890: 32-33](#)).

По данным Дубровского, продажей своего тела в империи преимущественно занимались девушки 15–25 лет, составлявшие 80,7 % работниц домов терпимости и 61,3 % одиночек ([Проституция по обследованию, 1890: XXII](#)). В сравнении с этими данными показатели Оренбургской губернии – 72,6 % девушек в публичных домах и 74,2 % одиночек – заметно отличались. В заведениях Оренбургской губернии чаще встречались девушки постарше (до 35 лет), а среди одиночек, напротив, более молодые.

Одиннадцать содержательниц публичных домов были дамами замужними, пять – вдовами ([Проституция по обследованию, 1890: 17](#)). К деятельности в сфере коммерческих секс-услуг эти женщины обращались также, очевидно, не от хорошей жизни. В 1897 году в суде рассматривалась жалоба крестьянки Рахили Ивановны Ениной – содержательницы дома терпимости – о его незаконном закрытии. Полицейское управление решило закрыть ее заведение ввиду того, что сама она была под судом. Хозяйка опротестовывала решение, объясняя, что она находилась под следствием по подозрению в покупке краденых стульев, что, по ее мнению, представляло собой проступок небольшой тяжести. Заведение ее существовало более пяти лет и никогда до этого не подвергалось замечаниям.

По словам содержательницы дома терпимости, было видно, что она теряла свой единственный источник дохода и всячески пыталась его сохранить. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что Енина была хронически большой и неграмотной, из-за чего вряд ли могла найти для себя иной источник финансирования. Тем не менее, в удовлетворении жалобы ей было отказано, поскольку ее поведение было обозначено как небезупречное ([ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 288](#)). Такой подход властей заставлял хозяек домов терпимости внимательнее относиться к правилам их содержания, поскольку это была и сфера занятости, и способ зарабатывания денег, и образ жизни. Позднее городские власти снова подчеркнули необходимость определенного поведения содержательниц этих сомнительных, хоть и легальных заведений, предписав им приводить доказательства, что они «трезвого поведения, не имеют склонности к буйству и не находятся под судом» ([ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 359](#)).

Среди девушек домов терпимости городов Оренбургской губернии 48 были незамужними и бездетными, 8 – замужними и бездетными, 1 была замужем и имела детей, 4 были бездетными вдовами, 1 была разведена и детей не имела ([Проституция по обследованию, 1890: 40-41](#)), то есть 77,4 % контингента домов терпимости составляли незамужние девицы. Аналогичные среднероссийские показатели, приводимые Дубровским, составляли 89,3 %. Еще 8,1 % женщин в публичных домах Оренбургской губернии составляли вдовы и разведенные. Подавляющее большинство этих женщин были бездетными – 98,4 % в Оренбургской губернии и 87,9 % в среднем по империи ([Проституция по обследованию, 1890: XXIV](#)). Можно заметить, что в Оренбургской губернии замужние женщины в домах терпимости, составлявшие 14,5 % контингента, встречались намного чаще, чем в среднем по империи (4,5 %). Для сравнения, в Самарской губернии эта категория падших женщин составляла 17,9 %, а в Смоленской – 4,5 %. Это свидетельствует о достаточно свободных нравах, царивших на юго-восточной окраине Российской империи.

Пять из проституток оренбургских публичных домов имели обоих родителей, 6 – только отца, 2 – только мать, 12 – взрослых братьев и сестер, 1 – малолетних братьев и сестер, 1 – других родственников, 28 – сразу несколько родственников, 7 – не имели никого из родных ([Проституция по обследованию, 1890: 40-41](#)). Учитывая, что 53,2 % обитательниц домов терпимости Оренбургской губернии были местными, и в этих домах женщины оставались до довольно зрелого возраста, можно предположить, что проституцию как род занятий они выбирали вполне сознательно. Об этом же свидетельствует и наличие у этих падших женщин родственников, в том числе мужей, отцов и взрослых братьев. Возможно, женщины осознавали, что по каким-либо причинам они не смогут выйти замуж (в том числе повторно, после развода или вдовства), а оставаться в родительском доме было невозможно. Либо в семьях, помимо этих девушек, было много других детей, которых родители не могли обеспечить самостоятельно. Либо муж подолгу бывал в отъезде, и женщина должна была искать средства к существованию самостоятельно. Работа же в доме терпимости давала крышу над головой и стабильный доход. Возможно, именно поэтому женщины, работающие в публичных домах, оставались там до вполне солидного возраста (до 30–35 лет).

Среди одиночек 66 из 120 были бездетными девицами, семь – незамужними, но имевшими или имеющими детей, 22 замужними и бездетными, 8 – замужними и имевшими или имеющими детей, 7 – бездетными вдовами, 3 – вдовами с детьми, 4 – бездетными разведенными, 3 – разведенными, имевшими или имеющими детей. Таким образом, незамужние девицы составили 55% проституток-одиночек (по империи – в среднем 79,1 %), а замужние женщины – 25 %. Остальные 20 % были вдовами и разведенными. 17,5 % проституток-одиночек Оренбургской губернии имели детей. По империи в среднем этот показатель составил 10,3 % ([Проституция по обследованию, 1890: XXIV](#)). Таким образом, в Оренбургской губернии замужние женщины, занимавшиеся проституцией в индивидуальном порядке, составляя четвертую часть всего контингента такого класса, встречались намного чаще, чем в среднем по империи (11,9 %). С другой стороны, для сравнения, в Самарской губернии эта категория падших женщин составляла 32,7 %, а в Смоленской – 26,1 % ([Проституция по обследованию, 1890: 44-45](#)).

Семейное положение проституток-одиночек было различным. Пять из них имели обоих родителей, по 2 – только отца или мать, 37 – взрослых братьев и сестер, 1 – малолетних братьев и сестер, 64 – сразу нескольких родственников, 9 были круглыми сиротами ([Проституция по обследованию, 1890: 44-45](#)). Наличие мужей и родственников у значительной части проституток-одиночек в Оренбургской губернии в ситуации, когда 50 % их состава происходили из иных губерний, дает основание к интересным выводам. Думается, что на путь торговли телом женщин часто толкали

их супруги или ближайшие родственники, приехавшие в Оренбургский край в поисках лучшей доли. Это могли быть крестьяне, приехавшие на заработки, мещане-переселенцы и т.д. Наличие в семье детей лишь усугубляло ситуацию. Если мужчина не мог найти себе работу или длительно отсутствовал, оставляя семью на произвол судьбы, женщинам (матери, дочерям) не оставалось иного пути, как заняться коммерческими сексуальными услугами. Этим объясняется и существование среди проституток-одинок как совсем молодых девушек 15–16 лет, так и зрелых женщин 40–45 лет.

Возраст обращения к этому занятию у женщин, содержащихся в домах терпимости Оренбургской губернии, в основном приходился на 14–17 лет (25 из 62, т.е. 40,3 %). Еще 24 барышни пришли к этому занятию в возрасте 17–20 лет (38,7 %). В более зрелом возрасте торговлей собой в домах свиданий женщины начинали заниматься в единичных случаях. Наибольший возраст «новообращенных» приходился на 28–29 лет ([Проституция по обследованию, 1890: 54-55](#)). Для сравнения, в Самарской губернии в публичных домах встречались девочки, вставшие на путь порока в 12–13 лет. К 17-летнему возрасту начали торговать собой 50 из 117 продажных женщин (42,7 %), 41 – в возрасте 17–20 лет (35 %), еще 18 – в возрасте 20–22 лет (15,4 %). Максимальный возраст обращения к проституции, как и в Оренбургской губернии, составил здесь 28–29 лет. В Смоленской губернии 3 девочки из 66 начали заниматься проституцией, когда им еще не исполнилось 12 лет. К 17 годам торговали собой 17 из 66 содержащихся в домах терпимости девушек (25,8 %), к 20-ти – 30 (45,5 %), еще 14 – к 22 годам (21,2 %). Максимальный возраст обращения к проституции составил здесь 26–27 лет ([Проституция по обследованию, 1890: 54-55](#)). То есть совсем малолетних девочек в дома терпимости в Оренбургской губернии не гнали. Но в 14–20 лет, когда девушка была максимально выгодна содержательнице публичного дома в коммерческом плане, как правило, и начиналась ее «карьера» жрицы любви. Проституток публичных домов, начавших работать в этом возрасте, в Оренбургской губернии (79 %) было больше, чем, к примеру, в Самарской (77 %) или Смоленской губернии (71,3 %). Больше в домах терпимости Оренбургской губернии было и возрастных женщин. Начавших продавать себя женщин в возрасте старше 22 лет там было 19,4 %, в то время как в Самарской губернии – 6,9 %, а в Смоленской – 7,5 % ([Проституция по обследованию, 1890: 54-55](#)).

Похоже, что в Оренбургской губернии торговля телом для ряда женщин действительно становилась профессией. Девушки начинали работать либо в максимально выгодном для себя возрасте, либо, когда осознавали, что семейная жизнь их не ждет или не приносит чувства финансовой уверенности и защищенности. Не случайно 14,5 % этих женщин были замужними. Да и оставались в домах терпимости женщины достаточно долго, лет до 35. Кроме того, в домах терпимости Оренбургской губернии не встречалось женщин, лишившихся невинности в результате насилия ([Проституция по обследованию, 1890: 70](#)). А у 10 из 62 (16,1 %) женщин это вообще произошло после вступления в брак.

Как отмечается в статье С.Ю. Малышевой, в перечне причин, побуждавших женщин заниматься проституцией, поступать в публичные дома, «нужда, невозможность и неумение заработать иными способами, неграмотность и прочие стесненные жизненные обстоятельства играли ... преобладающую роль» ([Малышева, 2012: 73](#)), хотя на путь поднадзорной проституции женщину могли толкнуть даже жилищные неурядицы. Любая одинокая самостоятельная женщина, снимающая угол, – «модистка, белошвейка, работница легко могла быть обвинена в занятии продажной любовью хозяевами квартиры» ([Лебина, Шкаровский, 1994](#)). После принудительного медосмотра в полицейском участке ей чаще всего взамен паспорта выдавали желтый билет, который не оставлял ей другого выхода, кроме как действительно начать заниматься проституцией.

Среди одиночек пик начала занятий проституцией приходился в Оренбургской губернии на возраст 15–18 лет (57 из 120 – 47,5 %). В возрасте 18–22 лет на этот скользкий путь встала еще 31 девушка (25,8 %). Более молодых, 13–15 лет, было всего 10 (8,3 %), более зрелых – 22 (18,3 %). Женщины, вставшие на путь порока в максимально зрелом возрасте, относились к возрастной категории 37–38 лет, то есть среди одиночек возрастной разброс был заметнее. Массово девушки обращались к этому занятию чуть позже, нежели проститутки публичных домов. Но начать торговать собой одиночки могли решить практически в любом возрасте, что еще раз подтверждает наши выводы о том, что на путь порока женщину могли толкнуть внезапно возникшие неблагоприятные жизненные обстоятельства.

По данным официальной статистики, среди проституток домов терпимости из бедных семей происходили 43 из 62 девушек (69,4 %), а среди одиночек – 86 из 120 (71,7 %) ([Проституция по обследованию, 1890: 52](#)). Значительное большинство проституток составляли женщины, не получившие никакого образования. В домах терпимости таковых насчитывалось 57 из 62 (92 %), среди одиночек – 112 из 120 (93,3 %). Эти показатели были существенно выше, чем в среднем по России – 77,6 % и 79,6 % соответственно ([Проституция по обследованию, 1890: XXV](#)). Если девушке нужно было кормить детей или младших братьев и сестер, а отсутствие образования не позволяло найти работу, проституция оставалась для нее единственным доступным занятием.

Так, к примеру, в сочинении «Переселенцы и новые места» (1894) В.Л. Кигн-Дедлова, в 1891–1892 годах служившего чиновником особых поручений МВД по переселенческим делам

Оренбургской губернии и Тургайской области, описывалась такая ситуация. К нему пришла молодая «дамочка лет двадцати. Одета со вкусом и далеко не бедно. Лицо очень приятное. Свежие губы... Добродушные, наивные карие глаза, густые и широкие черные брови», утверждавшая, что она «грязная женщина, как говорится, самая последняя и потерянная...». Девушка, назвавшаяся Фросей, и ее сестра Луша – «хорошенькая блондинка, почти девочка, одетая так же щеголевато» – рассказали, что в силу обстоятельств вынуждены были заняться проституцией. «Вдруг это про своих начнешь думать: как мать с сестренками в голоде, в холоде, в грязи. Что ж, думаю, я и так уж погибшая, уж пропала душа, уж едва ли грех замолишь. Так уж лучше я погибну, да их буду питать, одевать». К такому занятию девушки пришли, захотев лучшей жизни: «Баловством да баловством, немножко да ничего, да ротонду хочется; да, а вдруг купец влюбится да дом подарит, – и погубили души...». Фрося рассказывала и про своих младших сестер – «одной двенадцать, другой девять», которые постепенно вставали на тот же путь. Девушка просила помочь отправить «мать с сестренками на старину... На старине родня есть, девчонок разберут, а мать дядя взять обещается, пишет. В крестьянстве лучше. Замуж выйдут. А тут, – за нами пойдут» (Дедлов, 1894а: 176–180).

В Самарской губернии до 15-летнего возраста проститутками-одиночками девушки не становились. В 15–18 лет к этому занятию обратилась 21 девушка (40,4 %), в 18–22 – 18 (34,6 %), в более старшем возрасте – еще 13 (25 %). Максимальный возраст обращения к этому занятию составил 35–36 лет. В Смоленской губернии в 15–18 лет проститутками стали 19 девушек из 46 (41,3 %), в 18–22 года – 14 (30,4 %), в более старшем возрасте – 11 (23,9 %). Максимальный возраст начала занятий проституцией приходился здесь на возраст 31–32 года.

Таким образом, в Оренбургской губернии в сфере индивидуальной проституции девушки начинали работать раньше, нежели при домах терпимости, с 13 лет. В отличие от женщин при домах терпимости среди одиночек 12 из 120 женщин (10 %) были лишены невинности насильно (Проституция по обследованию, 1890: 71). Вероятно, сказывалось неместное происхождение почти половины проститутток-одиночек губернии. В 15–18 лет в эту сферу деятельности девушки вовлекались в массовом порядке. С возрастом число женщин, встающих на путь одиночной проституции, становилось все меньше. После 22 лет в Оренбургской губернии таковых (18,3 %) было меньше, чем в Самарской (25 %) или Смоленской (23,9 %) губерниях. Но и работать они продолжали дольше, чем в других регионах. В Оренбургской губернии до 40–45 лет, в Самарской – до 30–35 лет, в Смоленской – до 35–40 лет.

Сведения по продолжительности занятия проституцией для удобства были оформлены в таблицу. По ее данным, продолжительность занятия проституцией была различной. Большинство женщин работали по своей профессии не более 5 лет (75,8 % в домах терпимости и 72,5 % одиночек). Примерно 19,4 % женщин в домах терпимости и 16,7 % одиночек оставались на этой работе 5–10 лет. Более длительный срок пребывания в профессии избирали для себя 4,8 % женщин в публичных заведениях и 10,8 % одиночек.

Незамужних девиц среди одиночек в Оренбургской губернии (55 %) было, по сравнению с Самарской (59,6 %) или Смоленской (67,3 %) губерниями, относительно мало. Да и замужних дам (25 %) тоже (в Самарской губернии – 32,7 %, в Смоленской – 26 %) (Проституция по обследованию, 1890: 44). Переселенцы в губернию все же старались уберечь своих дочерей и жен от такой горькой участи. Но вот вдов и разведенных (20%) среди одиночек было очень много. Проститутток-одиночек, сохранявших невинность до вступления в брак, в Оренбургской губернии насчитывалось 31,7 % (в Самарской губернии – 28,8 %, в Смоленской – 19,6 %) (Проституция по обследованию, 1890: 71), то есть эти женщины не были с малолетства испорченными или развращенными. Просто в отсутствие мужчины, обеспечивающего семью, да еще и при наличии детей женщине приходилось искать средства к существованию самостоятельно, иногда не имея никакого выбора, кроме торговли собой.

В архиве Оренбурга есть дело 1889 г. о жалобе на превышение власти приставом по причислению замужней женщины к проституткам. Некая Гали Акберова, крестьянка Казанской губернии, имеющая, в том числе, 10-летнего сына, жаловалась на незаконное освидетельствование и причисление к падшим женщинам. Во время разбирательства были найдены свидетели, подтвердившие ее тайное занятие проституцией. Кроме того, было выяснено, что она разбирается в методах и подходах освидетельствования здоровья, но не проходит это освидетельствование. Был сделан вывод о возможности заражения ею венерическими заболеваниями и необходимости ее включения в число публичных женщин (ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 289). К сожалению, в деле не указаны обстоятельства, приведшие замужнюю женщину к занятию проституцией, однако по содержанию документа видно, что в регионе такая ситуация не была единичной.

Сословный состав содержательниц домов свиданий был не слишком пестрым: 9 из 16 были мещанками, одна – крестьянкой и 6 – солдатками (Проституция по обследованию, 1890: 18). Среди проститутток при домах терпимости одна принадлежала к дворянскому сословию, 27 – к мещанскому (43,5 %), 24 – к крестьянскому (38,7 %), 3 – к солдатскому (4,8 %), 7 – к другим категориям населения. Одиночки по сословному составу распределялись следующим образом: 2 дворянки, 1 духовного сословия (!), 37 мещанок (30,8 %), 52 крестьянки (43,3 %), 7 солдаток (5,8 %), 19 других сословий и 2 принадлежали к неизвестным социальным группам (Проституция по обследованию, 1890: 36–37).

То есть среди женщин в публичных заведениях преобладали мещанки, местные горожанки, а среди одиночек – крестьянки, видимо, из категории «переселенцев». Состав «одиночек» был более пестрым.

Таблица 1. Продолжительность занятий проституцией
(Проституция по обследованию, 1890: 62-63, 66-67)

	Общее число	Менее года	1-2 года	2-3 года	3-4 года	4-5 лет	5-6 лет	6-7 лет	7-8 лет	8-9 лет	9-10 лет	10-11 лет	11-12 лет	12-13 лет	13-14 лет	14-15 лет	15-16 лет	16-17 лет	Неизвестно
В домах герпимости	62	7	8	8	10	14	6	1	3	0	2	1	1	0	0	0	0	1	0
Одиночки	120	23	15	21	13	15	7	5	2	1	5	5	2	0	1	0	2	1	2

Таблица в материалах переписи 1897 г., посвященная роду занятий женщин до их обращения к проституции, к сожалению, не содержит в себе сведений по отдельным губерниям. Но в Европейской России большинство из них (46 %) работали домашней прислугой, жили при родителях и родных (20,1 %), работали швеями или портнихами (10 %) (Проституция по обследованию, 1890: 74). Как писал об Оренбурге Ф.И. Лобысевич, здесь «горничные все склонны и жаждут любви, а потому, что ни делайте, но уж это их судьба» (Лобысевич, 1878: 20). Некоторым из девушек удавалось дожидаться счастливых перемен в жизни. Так, например, в мемуарах И.В. Чернова упоминался некто Рыбаков, «выслужившийся из писарей инженерного ведомства», какое-то время имевший должность в илецком соляном правлении. По словам Чернова, «у него была на содержании простая девка, которую он потом выдал за отставного унтер-офицера и дал в приданое 20 т.р.» (Чернов, 2007: 79). А чего стоит, к примеру, судьба Надежды Николаевны Золотухиной, которая, по данным Санитарной комиссии по надзору за проституцией в г. Оренбурге и Форштадте [казачьем предместье Оренбурга – Е.Б.], значилась в перечне представительниц древнейшей профессии с 20 ноября 1895 г. по 6 июля 1896 г. (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 209-209 об.), а в 1898 г. стала законной супругой бывшего оренбургского городского головы, статского советника Николая Акимовича Середы (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 257)!

В городах Оренбургской губернии жрицы любви часто работали в дорогих ресторанах, располагавшихся при гостиницах. Слухи об этом ходили и в отношении «Американской гостиницы» купцов Хусаиновых, и применительно к гостинице «Европейская» купца Лодыгина. В одном из архивных дел, посвященном бракоразводному процессу оренбургского купца Сергея Сергеевича Ванюшина с его супругой Марией Степановной Деевой, свидетельницами прелюбодеяния, ставшего поводом к разводу, выступали две проститутки – уже упоминаемая выше Надежда Золотухина и Феня Апаликова. Золотухина и Апаликова при опросе показывали, что познакомились с Ванюшиным в номерах оренбургской гостиницы «Москва» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 98 об., 132-132 об.).

О том, что проституция часто шла рука об руку с деятельностью заведений общественного питания, писал В.Л. Дедлов. По его словам, в Орске были открыты «пивные залы» (Bierhalle) с «подносчицами» (Biermamsellen). «Результаты явились блестящие. Пива выпивалось реки, но вместе с тем посетители «зал», орские канцеляристы и мещане, орские, верхнеуральские и троицкие приказчики, башкиры, тептяри, киргизы ближних и дальних орд, татары, бухарцы и нагайбаки ввали в такой неслыханный разврат, что начальство воспретило подносчиц. Зародыш культуры не был, однако, истреблен, так как подносчицы перешли из «пивных зал» во «флигеря», на тех же дворах» (Дедлов, 1894b: 30). В Челябинске, в местном кафе-шантане, по словам А.М. Нечаевой, «солидные представители коммерческого мира» неоднократно до смерти опаивали шампанским «юных “рабынь веселья”» (Нечаева, 1909: 252). Указанная ситуация отнюдь не являлась особенностью городов Оренбургской губернии. Точно так же в губернии Казанской «скрытая проституция процветала в досуговых учреждениях и заведениях» – трактирах, гостиницах, банях (Мальшева, 2012: 77).

Городские парки и скверы также становились местами для интимных свиданий. О «каравансарайском саде» писал И.В. Чернов: «Года три назад сад отдан был одному антрепренеру за плату, он выписал певчих, арфянок и образовал кафе-шантан, вход за плату – и явились здесь

всевозможные безобразия и гулянки Оренбургских саврасов» (Чернов. 2007: 127). Еще в одном архивном деле о бракоразводном процессе Павел Александрович Олисов, околоточный надзиратель 1-й части г. Оренбурга, выступая в качестве свидетеля, сообщил, что несколько раз, будучи в наряде по должности, он якобы видел ответчика – оренбургского купца Николая Дмитриевича Мякинкова гуляющим в компании с «шантанными певицами в Тополевом саду и Беловском в 1911 году летом» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 103314. Л. 32 об.). У С.И. Гусева-Оренбургского в повести «Страна отцов» бульвар на берегу Урала (Беловский сад, Беловка) и Зауральная роща неоднократно выступали как места встреч со жрицами любви: «Где-то за деревьями звучал женский смех, что-то вроде поцелуя скользило в воздухе и ему [Отцу Ивану Гонибесову – Е.Б.] послышался запах сирени. [...] Бледная фигура проститутки робко скользнула к нему и испуганно отошла» (Гусев-Оренбургский, 1905: 130).

По городам Оренбургской губернии распределение домов терпимости и женщин, занимающихся проституцией «одиночно», выглядело следующим образом (Таблица 2). Очевидно, что наибольшее число публичных домов и падших женщин находилось в губернском центре – городе с максимальным числом населения, сосредотачивающем в себе большое число людей, приехавших на заработки, по торговым делам, переселенцев и других бесхозяйных. В Орске и Челябинске публичных домов не было совсем. В Орске, видимо, в силу отсутствия значительного спроса на интим-услуги, а в Челябинске к концу 1880-х гг. в рамках недавно начавшегося бурного переселенческого движения этот спрос еще не успел оформиться в какие-либо предпринимательские формы.

Таблица 2. Распределение домов терпимости и проституток по городам Оренбургской губернии (Проституция по обследованию, 1890: 12-13)

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Всего
Число домов терпимости	13	0	0	2	1	16
В них женщин	47	0	0	10	5	62
Из них больных венерическими заболеваниями	29	0	0	3	0	32
«Одиночек»	37	11	19	27	13	107
Из них больных венерическими заболеваниями	31	1	10	9	5	56
Общее число женщин, занимающихся проституцией	84	11	19	37	18	169

Два дома терпимости было в Троицке – крупном торговом центре, где посетителями этих домов могли быть состоятельные торговцы, приезжавшие в город по делам коммерции. В городе вообще наблюдалось явное преобладание мужского населения, объясняемое, помимо приезжающих в Троицк по разным делам купцов, крестьян, башкир, иностранцев, наличием там регулярных войск – Линейного Оренбургского батальона, Инвалидной и Артиллерийской команд (Ильин: 7). Один публичный дом имелся в Верхнеуральске, где его посетителями могли быть военные.

Индивидуально проституцией женщины занимались во всех городах губернии. Больше всего их было в Оренбурге и Троицке, меньше всего – в Орске. По подсчетам Р.Г. Игнатьева, в Троицке в 1870 г. «женщин, промысляющих развратом, в последнее время официально обнаружено полицией 18 ч. Это наиболее жены, вдовы и дочери солдат, заводских мастеровых, крестьян и мещан; проживают же они на квартирах в домах солдат и мещан, наиболее в предместье города, в так называемом «Верхнем форштадте»; но независимо обнаруженных официально полицией, тайная проституция, как слышно, существует между лицами женского пола, промысляющими шитьем и мытьем белья, мытьем полов и пр.» (Игнатьев, 2011: 190).

В Оренбурге большая часть продажных женщин при домах терпимости была больна венерическими заболеваниями – 61,7 %. Среди одиночек этот процент был выше – 83,8 %. В Троицке в домах терпимости больны были 30% женщин. В Верхнеуральске все были здоровы. Среди одиночек много больных было в Челябинске (52,6 %), Верхнеуральске (38,5 %), Троицке (33,3 %), меньше – в Орске (9,1 %). Очевидно, что при домах терпимости за состоянием здоровья женщин следили лучше, что значительно снижало процент больных венерическими заболеваниями по сравнению с женщинами, работающими индивидуально. Да и контингент клиентов, которые могли позволить себе посещение заведения, был несколько лучше, чем категория клиентов одиночек.

Однако высокий процент заболеваемости венерическими болезнями среди проституток и их клиентов заставлял городские и губернские власти решать эту проблему. Санитарная комиссия по надзору за проституцией в конце 1897 года сделала большой доклад с представлением подробно разработанных правил для проституток и содержательниц домов терпимости. Правила касались и поведения девушек, и медицинских осмотров, и устройства «рабочего места», и общего контроля за сферой интимных услуг. Также комиссия просила для себя специальных полномочий для наложения денежных взысканий на содержательниц домов или на закрытие или ограничение их работы (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1.Д. 43. Л. 345). Основной сферой работы комиссии была медицинская сторона дела, и, несмотря на встречающиеся в тексте отчета фразы о возможном оставлении падшими женщинами своего промысла в силу нравственного прозрения, критики их деятельности и призывов к ее искоренению не наблюдалось. Более того, предложения комиссии, связанные с медицинским освидетельствованием всех занятых, работающих и обслуживающих публичные дома, можно расценивать как совершенствование условий их труда.

В 1897 г. Перепись населения Российской империи зафиксировала некоторые изменения в исследуемой сфере занятости женщин Оренбургской губернии. В течение девяти лет, прошедших со времени обследования 1889 года, число женщин, занимающихся проституцией сократилось в Оренбурге на 10 человек, в Верхнеуральске – на 5, в Троицке выросло на 10 человек, в Челябинске – на 8 человек, в Орске почти не изменилось. Рост числа продажных женщин в Троицке и Челябинске, очевидно, был связан с мощным переселенческим движением, охватившим восточные регионы Оренбургской губернии после прокладки Самаро-Оренбургской железной дороги.

Таблица 3. Проституция как сфера занятости горожанок Оренбургской губернии (чел.) (ПВПН РИ, 1905а: 108-111)

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего	В % ко всему занятому женскому населению губернии
Женщин, занимающихся проституцией	74	12	27	47	13	0	173	1,31
Всего женщин, имеющих самостоятельные занятия	7235	576	2324	2 127	681	305	13248	100

Этнический состав женщин, занимающихся проституцией, согласно данным переписи, включал в себя в Оренбурге – 46 русских, 1 украинку, 1 еврейку, 1 мордовку, 19 татарок и 6 башкирок. В Орске интим-услугами занимались 11 русских и 1 еврейка. В остальных городах данный род занятий был целиком «русским» (ПВПН РИ, 1905а: 132-149). По сравнению с 1889 годом среди проституток наблюдалось большее этническое разнообразие, что могло быть вызвано вовлечением в эту сферу переселенцев из европейских и соседних губерний.

По данным на 1897 г., в сфере коммерческих интим-услуг были задействованы 1,31 % всех самозанятых горожанок Оренбургской губернии и, например, всего 0,49 % губернии Смоленской. Это, на наш взгляд, было связано с тем, что, во-первых, в условиях массовой колонизации, затронувшей Оренбургскую губернию, интим-услуги оказались востребованной сферой деятельности. Во-вторых, женщинам, прибывающим в регион в составе колонистов, как правило, неграмотным и не имеющим профессии, при необходимости было сложно найти какой-либо другой источник средств существования. В Оренбургской губернии совсем юные девушки занимались проституцией существенно реже, нежели в губерниях, используемых для сравнения (см. Таблицу 4). Зато в этой сфере было больше возрастных дам, что еще раз подтверждает сознательное обращение жительниц губернии к этому виду деятельности.

Таблица 4. Занятие проституцией в сравнении по губерниям (чел.) (ПВПН РИ, 1905а: 106-108; ПВПН РИ, 1905б: 116-118; ПВПН РИ, 1904: 154-156)

Женщин, занимающихся проституцией	Оренбургская губерния	Самарская губерния	Смоленская губерния
В городах	173 (89,2 % всех проститутток губернии)	258 (84,0 % всех проститутток губернии)	86 (100 % всех проститутток губернии)
Всего	194	307	86
Из них: в возрасте младше 20 лет	57 (29,4 %)	108 (35,2 %)	42 (48,8 %)
20–39 лет	125 (64,4 %)	185 (60,3 %)	41 (47,7 %)
40 лет и старше	12 (6,2 %)	14 (4,5 %)	3 (3,5 %)

5. Заключение

В целом следует констатировать, что в сравнении с Самарской и Смоленской губерниями в Оренбургской губернии по-прежнему сохранялись особенности такой сферы неформальной занятости горожанок губернии, как проституция, связанные со спецификой расположения региона и особенностями состава его населения.

Так, в домах терпимости, расположенных в городах региона, большинство «барышень» составляли местные жительницы, а среди одиночек было много приезжих. Это было связано с интенсивным переселенческим движением, пестрым и постоянно изменяющимся составом городского населения. В городах отсутствовало сплоченное городское сообщество, горожане не всегда хорошо знали друг друга. Поэтому местным жительницам находиться в публичном доме было не слишком позорно, к тому же более безопасно и спокойно, хотя и менее выгодно в финансовом плане. Одиночками же часто становились именно иногородние женщины, прибывавшие в Оренбургскую губернию с колонизационными потоками, не имевшие в городах нужных связей, знакомств, очень нуждающиеся в деньгах.

Среди жриц любви в городах губернии в основном можно было встретить представительниц русского и татарского этносов. Доля замужних женщин среди проститутток в городах Оренбургской губернии составляла 14,5 % в домах терпимости и 25 % одиночек, что было больше, чем в среднем по империи. Подавляющее большинство проститутток имело родителей или родственников. Это может означать, что именно мужья или старшие родственники подталкивали женщину к постыдному занятию.

В «заведениях» преимущественно находились мещанки (43,5 %) и крестьянки (38,7 %), среди одиночек преобладали крестьянки (43,3 %) и мешчанки (30,8 %). Одиночки имели более пестрый социальный состав. Средний возраст проститутток составлял 20–25 лет. В дома терпимости женщины в основном поступали в возрасте 14–17 лет и оставались там лет до 35, одиночки обращались к своему занятию чуть позже – в 15–18 лет и продолжали его до 40–45 лет.

Около 70 % проститутток происходили из бедных семей, более 90 % из них были неграмотными. Это означает, что получить необходимые средства к существованию каким-то способом, кроме интим-услуг, эти женщины не могли. Доходы проститутток были в любом случае многократно выше, чем доходы прислуги или крестьянок, занимавшихся сельскохозяйственными работами.

В итоге изложенные в статье факты позволяют говорить о том, что сфера коммерческих интим-услуг может рассматриваться в качестве сферы неформальной профессиональной занятости женщин как в силу продолжительности их занятий (несколько десятилетий), так и по причине предоставления им основного дохода.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17-31-00010-ОГН «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

Литература

Банникова, 2014 – Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: ООО «Полторак», 2014. 440 с.

Безгин, 2012 – Безгин В.Б. Русская деревня конца XIX – начала XX веков: грани крестьянской девиантности (Часть 2) // Genesis: Исторические исследования. 2012. № 2. С. 149-190.

Бентовин, 1907 – Бентовин Б.И. Торгующие телом: Очерки современной проституции. М.-Л.: Крумбюгель, 1907. 200 с.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

- Голосенко, Голод, 1998** – *Голосенко И.А., Голод С.И.* Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 123 с.
- Гусев-Оренбургский, 1905** – *Гусев-Оренбургский С.И.* Страна отцов // Сборник товарищества «Знание». Кн. 4. СПб.: Типо-литография «Энергия», 1905. С. 75-294.
- Дедлов, 1894a** – *Дедлов (Кигн) В.Л.* Курьезы / Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М. М. Ледерле и К°, 1894. С. 176-180.
- Дедлов, 1894b** – *Дедлов (Кигн) В.Л.* От Оренбурга до Орска / Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К°, 1894. С. 16-32.
- Зюбан, 2008** – *Зюбан М.Н.* Государственная регламентация занятий проституцией в Российской империи: середина XIX столетия – 1917 г. // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.* 2008. № 2. С. 74-77.
- Игнатъев, 2011** – *Игнатъев Р.Г.* Однодневное исчисление жителей г. Троицка, произведенное 12-го сентября 1870 г. д. ч. Оренб. губ. стат. комитета Р.Г. Игнатъевым / *Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов.* Т. III: 1869–1872 годы. Уфа, 2011. С. 185-199.
- Ильин** – *Ильин В.* Троицк / Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург: Оренбургская губернская типография, б/г. С. 1-21.
- Крупец, Нартова, 2010** – *Крупец Я.Н., Нартова Н.А.* Переопределение границ между трудом, удовольствием и насилием: секс-работа как особый вид неформальной занятости // *Журнал исследований социальной политики.* 2010. Т. 8. № 4. С. 537-550.
- Лебина, Шкаровский, 1994** – *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 221 с.
- Лобысевич, 1878** – *Лобысевич Ф.И.* Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.
- Мальшева, 2012** – *Мальшева С.Ю.* Профессионалки, "арфистки", "любительницы": проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX – начала XX в. // *Клио.* 2012. № 3 (63). С. 72-79.
- Мальшева, 2014** – *Мальшева С.Ю.* «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX – начале XX века. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. 188 с.
- Мальшева, 2013** – *Мальшева С.Ю.* Содержательницы казанских борделей второй половины XIX – начала XX в.: портрет явления // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2013. Т. 155. № 3–1. С. 102-112.
- Мартыненко, 2015** – *Мартыненко Н.К.* К вопросу истории морфологии одного из девиантных социальных институтов // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева.* 2015. № 4 (19). С. 231-241.
- Нечаева, 1909** – *Нечаева А.М.* Челябинские впечатления // *Исторический вестник.* 1909. Том СХVII. Июль. С. 236-269.
- Нижник, 2002** – *Нижник Н.С.* Государственный надзор за проституцией Российской империи второй половины XIX – начала XX веков // *Вестник № 2. Челябинский институт экономики и права.* Челябинск, 2002. С. 125-144.
- Паликова, 2009** – *Паликова Т.В.* «Торговля позором», или «Заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2009. № 2. С. 38-52.
- ПВПН РИ, 1905a** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.: Типография «Товарищества художественной печати», 1905. 198 с.
- ПВПН РИ, 1905b** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXXVI: Самарская губерния. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1905. 220 с.
- ПВПН РИ, 1904** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XL: Смоленская губерния. СПб.: Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1904. 258 с.
- Проституция по обследованию, 1889** – Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1890. XXXVI, 85. 39 с.
- Рамазанова, 2011** – *Рамазанова Г.Р.* Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX веков // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 39-45.
- Сунгуров, 2015** – *Сунгуров П.А.* Проституция в сибирских губерниях (конец XIX – начало XX вв.) // *Теория и практика общественного развития.* 2015. № 6. С. 110-111.
- Тарасова, 2016** – *Тарасова И.А.* Эволюция форм государственного контроля за проституцией в Российской империи (XVIII – начала XX вв.) // *Евразийское научное объединение.* 2016. Т. 1. № 4 (16). С. 58-62.

Чернов, 2007 – Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2007. 272 с.

References

- Bannikova, 2014** – *Bannikova E.V.* (2014). Povsednevnyaya zhizn provincialnogo kupechestva (na materialah gubernij Urala doreformennogo perioda) [Daily life of provincial merchants (based on materials of Ural Governorates of the pre-reform period)]. SPb.: OOO «Poltorak», 440 p. [in Russian]
- Bentovin, 1907** – *Bentovin B.I.* (1907). Torgujushhie telom: Ocherki sovremennoi prostitucii [Body Traders: Essays on Modern Prostitution]. M.-L.: Krumbuygel', 200 p. [in Russian]
- Bezgin, 2012** – *Bezgin V.B.* (2012). Russkaya derevnya kontsa XIX – nachala XX veka: grani krest'yanskoj deviantnosti (CHast' 2) [Russian village of the late XIX – early XX century: the verge of peasant deviance (Part 2)]. *Genesis: Istoricheskie issledovaniya*, № 2, pp. 149-190. [in Russian]
- Chernov, 2007** – *Chernov I.V.* (2007) Zаметки по istorii Orenburgskoj gubernii general-majora I.V. Chernova [Notes on the history of Orenburg Province, Major-General I.V. Chernov]. Orenburg: Izd-vo «Orenburgskaya guberniya», 272 p. [in Russian]
- Dedlov, 1894a** – *Dedlov (Kign) V.L.* (1894) Kur'ezy [Funny things]. Pereselentsy i novye mesta. Putevye zametki. SPb.: M. M. Lederle i K°, pp. 176-180. [in Russian]
- Dedlov, 1894b** – *Dedlov (Kign) V.L.* (1894). Ot Orenburga do Orska [From Orenburg to Orsk]. Pereselentsy i novye mesta. Putevye zametki. SPb.: M.M. Lederle i K°, pp. 16-32. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region].
- Golosenko, Golod, 1998** – *Golosenko I.A., Golod S.I.* (1998). Sociologicheskie issledovaniya prostitucii v Rossii (istoriya i sovremennoe sostojanie voprosa) [Sociological studies of prostitution in Russia (history and current status of the issue)]. SPb.: TOO TK «Petropolis», 123 p. [in Russian]
- Gusev-Orenburgskij, 1905** – *Gusev-Orenburgskij S.I.* (1905). Strana otcov [Fathers country]. Sbornik tovarishchestva «Znanie». Kn. 4. SPb: Tipo-litografiya «Energiya», pp. 75-294. [in Russian]
- Ignat'ev, 2011** – *Ignat'ev R.G.* (2011) Odnodnevnoe ischislenie zhitelej g. Troicka, proizvedyonnoe 12-go Sentyabrya 1870 g. d. ch. Orenb. Gub. Stat. Komiteta R.G. Ignat'evym [One-day calculation of the inhabitants of the city of Troitsk, produced on September 12, 1870, by the member of the Orenburg Provincial Statistical Committee R.G. Ignatiev]. *Sobranie sochinenii (ufimskii i orenburgskii period)*. Sostavitel' M.I. Rodnov. T. III: 1869–1872 gody. Ufa, pp. 185-199. [in Russian]
- Il'in** – *Il'in V.* Troitsk [Troitsk]. Pamyatnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1865 god. Orenburg: Orenburgskaya gubernskaya tipografiya, pp. 1-21. [in Russian]
- Krupec, Nartova, 2010** – *Krupec Ja.N., Nartova N.A.* (2010). Pereopredelenie granic mezhdru trudom, udovol'stviiem i nasiliem: seks-rabota kak osobyj vid neformal'noj zanjatosti [Redefining the boundaries between work, pleasure and violence: sex work as a special kind of informal employment]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, T. 8, № 4, pp. 537-550. [in Russian]
- Lebina, Shkarovskij, 1994** – *Lebina N.B., Shkarovskij M.V.* (1994). Prostitucija v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.) [Prostitution in Petersburg (the 40s of the twentieth century – the 40s of the twentieth century)]. M.: Progress-Akademiya, 221 p. [in Russian]
- Lobysevich, 1878** – *Lobysevich F.I.* (1878). Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskij ocherk [The City of Orenburg: a Historical and Statistical Essay]. SPb.: Tipografiya E. Goppe, 1878. 60 p. [in Russian]
- Malysheva, 2012** – *Malysheva S.Ju.* (2012). “Professionalki”, “arfistki”, “ljubitel'nicy”: prostitutki v rossijskom provincial'nom gorode vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [“Professional girls”, “harpists”, “amateurs”: prostitutes in the Russian provincial town of the second half of the twentieth and early twentieth centuries]. *Klio*, № 3 (63), pp. 72-79. [in Russian]
- Malysheva, 2013** – *Malysheva S.Ju.* (2013). Soderzhatel'nicy kazanskih bordelej vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: portret javlenija [The owners of Kazan brothels of the second half of the twentieth and early twentieth centuries: portrait of the phenomenon]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, T. 155, № 3-1, pp. 102-112. [in Russian]
- Malysheva, 2014** – *Malysheva S.Ju.* (2014). “Professionalki”, “arfistki”, “ljubitel'nicy”: publichnye doma i prostitutki v Kazani vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [“Professional girls”, “harpists”, “amateurs”: brothels and prostitutes in Kazan in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta*, 188 p. [in Russian]
- Martynenko, 2015** – *Martynenko N.K.* (2015). K voprosu istorii morfologii odnogo iz deviantnyh social'nyh institutov [To the question of the history of morphology of one of the deviant social institutions]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, № 4 (19), pp. 231-241. [in Russian]
- Nechaeva, 1909** – *Nechaeva A.M.* (1909). Chelyabinskije vpechatleniya [Chelyabinsk impressions]. *Istoricheskii vestnik*, Tom CXVII. Iyul', pp. 236-269. [in Russian]
- Nizhnik, 2002** – *Nizhnik N.S.* (2002). Gosudarstvennyj nadzor za prostituciej Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [State supervision of the prostitution of the Russian Empire of the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik № 2. Chelyabinskii institut ekonomiki i prava. Chelyabinsk*, pp. 125-144. [in Russian]

Palikova, 2009 – Palikova T.V. (2009). «Torgovlja pozorom», ili «Zavedeniya naslazhdeniya»: doma terpimosti v social'no-servisnoj sfere gorodov Zabajkal'ja v nachale XX v. [“Trade in Shame”, or “Institution of Delight”: brothels in the social service sector of the cities of Transbaikalia in the early twentieth century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii*, № 2, 38-52. [in Russian]

Prostitutsiya po obsledovaniyu, 1889 – Prostitutsiya po obsledovaniyu na 1 avgusta 1889 g. [Prostitution survey on August 1, 1889]. SPb.: Tsentral'nyi statisticheskii komitet MVD, 1890. XXXVI, 85. 39 p. [in Russian]

PVPN RI, 1904 – Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897. Tom XL: Smolenskaja gubernija [The First Census of the Russian Empire. Volume XL: Smolensk Governorate]. SPb.: Tipografiya Sankt-Peterburgskoi tyur'my, 1904. 258 p. [in Russian]

PVPN RI, 1905a – Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897. Tom XXVIII: Orenburgskaja gubernija [The First Census of the Russian Empire. Volume XXVIII: Orenburg Governorate] SPb.: Tipografiya «Tovarishchestva khudozhestvennoi pečati», 1905, 198 p. [in Russian]

PVPN RI, 1905b – Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897. Tom XXXVI: Samarskaja gubernija [The First Census of the Russian Empire. Volume XXXVI: Samara Governorate]. SPb.: Parovaya skoropechatnyja P.O. Yablonskogo, 1905. 220 p. [in Russian]

Ramazanova, 2011 – Ramazanova G.R. (2011). Sotsial'nyye deviatsii v gorodakh Ufimskoj gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Social deviations in the cities of the Ufa province in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Istorija. Vyp.*, № 1 (216), 43. pp. 39-45. [in Russian]

Sungurov, 2015 – Sungurov P.A. (2015). Prostitutsiya v sibirskikh guberniyakh (konets XIX – nachalo XX vv.) [Prostitution in the Siberian provinces (late XIX – early XX centuries)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, № 6, pp. 110-111. [in Russian]

Tarasova, 2016 – Tarasova I.A. (2016). Evolyuciya form gosudarstvennogo kontrolya za prostituciej v Rossijskoj imperii (XVIII – nachala XX v.) [The evolution of the forms of state control over prostitution in the Russian Empire (XVII – the beginning of the twentieth century)]. *Evrazijskoe nauchnoe ob"edinenie*, T. 1. № 4 (16), pp. 58-62. [in Russian]

Zjuban, 2008 – Zjuban M.N. (2008). Gosudarstvennaja reglamentacija zanjatij prostituciej v Rossijskoj imperii: seredina XIX stoletija – 1917 g. [State regulation of prostitution in the Russian Empire: the middle of the XIX century – 1917]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 2, pp. 74-77. [in Russian]

Тайное повседневное. Горожанки в сфере коммерческих интим-услуг в Оренбургской губернии во второй половине XIX века

Елена Вадимовна Бурлуцкая (Банникова) ^{a, *}, Юлия Олеговна Куренкова ^a

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования в рамках данной статьи является анализ данных, касающихся такого варианта социальной девиации, как проституция, в городах Оренбургской губернии в пореформенный период. Процессы модернизации и урбанизации, увеличившие темпы в результате проведения реформ 1860–1870 гг., привели в движение огромные массы населения, оторвав их от привычного социального окружения, семьи и родных. В этих условиях города стали центрами притяжения не только для мужчин, ищущих лучшей доли, но и для женщин, оказывающих интимные услуги. Во второй половине XIX века проституция постепенно превратилась из преступления против общественной нравственности в регламентированное государством ремесло со своими условиями труда, трудовыми отношениями, рабочим графиком, профессиональными правилами и компетенциями. В статье на основе данных официальной статистики и нарративных источников исследуется численный и возрастной, сословный и национальный состав горожанок Оренбургской губернии, занятых в сфере интимных услуг, их семейное положение, возраст обращения к проституции и продолжительность трудовой деятельности, а также особенности функционирования этой сферы неформальной занятости женщин в отдаленной юго-восточной провинции Российской империи. В сравнении с соседней Самарской и отдаленной Смоленской губерниями выявляются особенности женского труда в сфере интимных услуг в исследуемом регионе, связанные с превращением губернии в район массового переселенческого движения.

Ключевые слова: повседневность, Оренбургская губерния, пореформенный период, горожанка, занятость, проституция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая (Банникова)), kpicka@yandex.ru (Ю.О. Куренкова)